

# Валерия Белоногова



Окончила Ленинградский университет, работала корреспондентом в нижегородских и московских газетах и журналах, в музее-заповеднике А. С. Пушкина «Болдино». Кандидат филологических наук, критик, музеолог. Преподает в Нижегородском госуниверситете им. Н. И. Лобачевского.

Автор книг «Выбранные места из мифов о Пушкине» (2003), «Болдинский ключ» (2009), «Что вам нужно в этом Нижнем? Город в зеркале литературы» (2011); статей и очерков по истории литературы и музейному делу.

Живет в Нижнем Новгороде.

# Послевкусие прочитанной книги

*заметки по поводу нового сборника Олега Рябова  
«Интересная дамочка и новые рассказы»*

Этот сборник рассказов оставляет ощущение удивительной цельности. При том что заглавие говорит вроде бы об обратном и состоит он, казалось бы, из совершенно самостоятельных историй, к разным временам относящихся и очень разных по настроению, сюжетной форме и степени серьезности. Тут и замечательные истории о мужской, настоящей, на всю жизнь дружбе; и давние школьные казусы, которые отзываются через много лет при встрече одноклассников; и жутковатые случаи из лихих девяностых; и просто житейские истории разных людей; и забавные сказочки из жизни котов и мышей; игривые отпускные воспоминания; рыбацкие байки...

«Цементирующих» факторов – два. Во-первых, по тысяче штрихов, летучих описаний, намеков, а чаще прямо указанных названий конкретных улиц, пригородных мест, рек и речушек – ясно, что речь идет об одном городе. Родном и за много лет пошагово изученном автором, который знаком на «ты» как минимум с половиной из полутора миллионов его жителей.

И второе. За каждым рассказом – собственная, долгая и насыщенная жизнь автора, нижегородского писателя, в прошлом радиофизика, потом снабженца в НИИ «Гипрогазцентр», товароведа Облкниготорга, предпринимателя, известного книжника и коллекционера, издателя и редактора Олега Рябова. И это «мемуарное» начало тоже угадывается так или иначе в каждом рассказе.

Независимо от того, пишется ли он от первого лица как личное воспоминание, или от условного третьего, или от лица беллетризованного рассказчика, – автор «узнается». Со своим стилем, со своей жизненной философией и характерным языком изложения. И язык этот – подчеркнуто разговорный, простой и незамысловатый, каким рассказываются байки. И даже когда невзначай автор и высказывает по ходу дела отнюдь не мелкие познания (в сфере ли психологии или священной истории), он, как будто стесняясь, добавляет про себя с иронией: «Решил образованность свою показать».

Именно мемуарное начало породило когда-то явление романа в литературе. Может быть, поэтому по прочтении этого довольно солидного тома читанных вразбивку или подряд коротких рассказов остается послевкусие как от прочитанного романа. А еще есть в литературоведении такое понятие – роман-река, обозначающее серию произведений самостоятельных, но связанных между собой общностью героев или сюжета. И хотя речь там идет, скорее, о серии крупных произведений, к нашему случаю это явление, возможно, тоже имеет отношение. Общность сюжета налицо. Это чисто «нижегородский сюжет», который отражает историю старинного города – довоенную, сталинскую, послевоенную, перестроечную... Но отражает в контексте большой истории страны.

Что касается общности героев, то это точно есть в книге. Кроме самого автора, зримого или незримого, из рассказа в рассказ переходят некоторые из его друзей-героев. И поэтому тоже остается ощущение созданного в книге цельного, гармоничного мира, в чем-то очень узнаваемого, в чем-то заново познаваемого. Мира по-своему доброго и, возможно, даже справедливого... Он как уютный городской двор, объединивший несколько двухэтажек между улицей Белинского и улицей Невзоровых

из рассказа «Не нужна мне правда», – с детской и волей-больной площадкой, сараями, песочницами, цветниками и палисадничками. Оттуда люди в серых пальто увозили «врагов народа», инженеров-специалистов. А их дети продолжали «учиться, кататься на лыжах, ходить под парусом, крутить солнышко на турнике, влюбляться»...

Среди них три не разлей вода друга, которые ушли воевать в 1941-м и вернулись в 1945-м, растили детей, потом разъехались. Но всю жизнь любили и помнили свой двор и свою дружбу. И спустя много лет в этом дворе продолжались их споры на извечные интеллигентские темы: можно ли, например, читать чужие письма. Даже если это письма твоей мамы, написанные другу твоего отца, или рассекреченные материалы допросов твоего репрессированного деда... Или письма Пушкина к жене.

Житейские и в то же время глубоко философские вопросы поднимаются и в других рассказах. О бренности и непредсказуемости жизни – в рассказе «Интересная дамочка», где подсмотренная подростком на туристическом теплоходе история жизнелюбивой мадам заканчивается так трагически. И звучит совсем по-державински: «Где стол был яств, там гроб стоит». Или тема «неравной любви» в рассказе «Другой». Или щемящий рассказ «Одинокий» о старом Иване Алексеевиче (фамилия у него такая – Одинокий). Или жизнеутверждающая повесть, в которую почти веришь, об украденном и возвращенном храмовом образе и о доброте, примирившей и объединившей в желании помочь «благородному преступнику» – богатых антикваров, дельцов из новых русских и следователей угрозыска («Миллион для училки»). Или история о жизненном тупике, какие тоже случаются у людей («На мосту»).

А в рассказе «Аристократка» (параллель с одноименным рассказом Зощенко, если она и есть, тут обманчива

и полемична) в разговоре брата с сестрой выстраивается интересное толкование понятия «аристократизм», свое, неожиданное и в целом убедительное. В чем-то традиционно-купеческое и русско-общинное. Толкование это предполагает, кроме умения хранить семейно-фамильные предания и ценности, еще и постоянное стремление получать новые полезные знания и навыки, помогать людям, растить в детях «привычку работать, в смысле самосовершенствоваться с юных лет, и так несколько поколений». В каком-то смысле это толкование, возможно, даже авторская попытка выстроить некую модель «национальной самоидентичности». Такая вот «домашняя» философия. Сформулированная просто, доходчиво и доверительно. Может быть, не раз проговоренная автором с друзьями – героями этой книги.

Впрочем, автор ведь и сам – один из ее героев. Он просто беседует с читателем и как бы делится с ним мыслями и ощущениями. Вот хотя бы о своей писательской работе. Одна из историй – «Спидола» – открывается таким вот авторским рассуждением: «Конечно, классический рассказ надо начинать с экспозиции. Это такой быстрый взгляд автора, который сразу позволяет, как кажется ему, какой-то деталью коротко, но четко охарактеризовать или главного героя, или описываемое событие. Ну, например, – Ивану Ивановичу было сорок лет, он был женат, и у него под носом росла большая коричневая родинка. И вроде бы сразу читателю становится все понятно. Так вот у меня рассказ очень короткий: практически два абзаца. А экспозиция моя, то есть мое положение в пространстве, а главное, в эпохе по отношению к событию, имеет очень существенное значение и потому занимает в тексте значительное место...»

И дальше идет воспоминание о создании в шестидесятих годах знаменитой сороковой физико-

математической школы в Нижнем (тогда еще в городе Горький), одной из первых в стране после Москвы и Ленинграда. О ее замечательном директоре Вениамине Яковлевиче Векслере, о педагогах, среди которых были и вузовские профессора, о почти вузовской системе преподавания. А еще об учениках, таких ярких, честолюбивых и таких разных. О том, что они любили, чем увлекались, о чем мечтали. Среди прочего речь идет и об однокласснике рассказчика Генке Елисееве и повернутой им в девятом классе мошеннической афере с покупкой магнитол «Спидола».

Но только в самом конце, практически в постскриптуме – о судьбе этого самого Генки. И понимаешь, что рассказ именно о нем и о «карьере» не слишком удачливого афериста. Интересная история. Но она еще и о самом процессе рассказывания, рассказ как бы сам себя «рассказывает», вскрывая авторские приемы.

История, которая называется «Не пишется», и вовсе от начала до конца посвящена писательскому вдохновению. О том, как писатель приезжает в Дом творчества работать, писать повесть, сюжет которой уже родился, чуть ли не подписан уже договор на публикацию. Но не пишется... Ни страницы текста, одни только чертики да крестики на листе. И вдруг неожиданная встреча с давней знакомой разбудила дремавшее воображение. Поразительно, но дело сдвинулось с места. Совсем как в пушкинской «Осени»: «Громада двинулась и рассекает волны...» И рассказано об этом все тем же простым, легким слогом, доходчивым и внятным и для человека пишущего, и для читателя, не знакомого с муками творчества.

О подчеркнутой автобиографичности прозы Олега Рябова мы уже говорили. Но что делает его тексты собственно литературой, а описанные в них события и героев – незабываемыми? Художественный вымысел, ко-

нечно, как и полагается в «высоком фикшене». В одном из рассказов писатель признается, как бы даже слегка оправдываясь: «Легко вспоминать прошлое, когда оно само собой вспоминается, а когда насилуешь себя, пытаешься что-то вспомнить, то часто потом уже и сам не знаешь: то ли ты вспомнил что-то действительно, что было на самом деле, а может, и не вспомнил, а просто нафантазировал <...> и сам ты уже не веришь, что все, что ты вспомнил, случилось». После этого признания «веришь» уже в любой вымысел. И не только в говорящих и мыслящих деревенских котов, в «лесовушек», домовых или в тотемного сома села Переслегина. Принимаешь даже и чудеса, случающиеся в жизни вроде бы совершенно реальной. И такие тоже есть в книге.

В рассказе «Пчелиный папа» описывается, например, удивительная пчелиная панихида, устроенная на похоронах бывшего игумена отца Онуфрия, «священника высокого градуса», как о нем говорили. Вернувшись в родное село, старец завел в местном монастыре пасеку и усердно ухаживал за пчелами. На отпевании его в главном монастырском храме тысячи, если не миллионы, пчел, в несколько слоев облепивших и свечи, и стены, слетелись попрощаться со старым другом. А потом густым роем, свернувшимся в плотную спираль, вылетели из храма и, зависнув на какое-то время, словно огромная гудящая туча, над его могилой, облепили гроб с покойным. «Кыш, божьи твари! Прощайтесь скорее с папкой своим и летите домой. Работать вам пора уже», – негромко сказал им владыко, распорядитель церемонии. И они поднялись вихрем над вековыми липами и улетели.

Нет, возможно, что-то подобное и могло произойти в Преображенском монастыре на берегу Волги. Не зря же изучают энтомологи удивительные проявления некоего коллективного «сознания», свойственного пчелиному

рою или муравьиной колонии. И все-таки воспринимается это как самое настоящее чудо. Но чудо, в которое хочется верить. Чудеса встречаются и в других рассказах Олега Рябова. В виде ли предчувствий или как бы совпадений. А некоторые его герои и вовсе летают по воздуху. Окрыленные юношеской любовью или еще чем...

«Ванна Архимеда» – последний рассказ в этом сборнике. Известно, что в любой подборке большое значение имеют первое и последнее произведение. Часто именно последнее остается надолго в памяти. В «Ванне Архимеда» – все тот же старый городской двор с дровяными сараями, огромными кустами акаций и покрашенными известью мусорными ящиками. Рядом с ними сломанный письменный стол, а еще старинная чугунная ванна с обколотой эмалью и одной ногой в виде драконьей лапы. Поговаривали, что именно в ней умер во время мытья старый профессор-изобретатель, живший когда-то в этом дворе (поэтому ванну и выбросили). Соседи звали профессора Архимедом.

Место было притягательное для дворовых пацанов, и не только с этого двора, но и соседских. Среди них тусовался, будучи десятилетним мальчиком, и рассказчик. И вот однажды над головами мальчишек с вершины ближайшей березы в ванну Архимеда прямехонько спланировал седовласый старик. И раскрыл им удивительную тайну: того, кто пролежит в этой ванне целый час молча, ждет в жизни большая удача. Друг рассказчика Филька Огнев из неблагополучной семьи, живущей в соседнем дворе, был единственным, кто выполнил условия колдовства. То есть один ночью пролежал в ванне больше часа и не вымолвил ни слова. Рассказывая об этом другу, он признался, что завтра улетит вместе с колдуном. И на другой день, вечером, действительно они с «колдуном» сначала о чем-то долго беседовали, сидя на краю ванны,



а потом, уже в сумерках, старик подхватил Фильку под мышки, и они улетели. Рассказчик мог побожиться, что видел это тогда своими глазами. А потом узнал, что Филька с родителями, оказывается, давно переехали куда-то, и больше они не встречались. Спустя много-много лет он случайно увидел смутно знакомое лицо – представительного, солидного и даже грузного человека. Только называли его все теперь не Филькой, а Филиппом Ивановичем, товарищем генералом. И по всему видно было, что достиг он в жизни немалых высот... «Ванну Архимеда помнишь?»»

Маленький, в пять страниц, рассказ – с прозрачным намеком на миф об Архимеде, открывшем в ванне свой знаменитый закон гидростатики, с доброй авторской усмешкой и мягким юмором – как будто призывает нас все-таки немножко верить и в чудо тоже. Как бы ни было тяжело. Об этом, собственно говоря, вся эта книга с широким, почти романским охватом жизни героев – автора и его друзей родом из одного с ним детства. Тут трагическое и смешное оказываются рядом, а правда и выдуманное, то есть вымышленное, вымечтанное, – перемешаны.